

Константин КОНИЧЕВ

БЫЛА БЫ Я ВОЛШЕБНИЦА...

(ОЧЕРК)

Рисунки Д. ТУТУНДЖАН

Вычитал я в газете: «На последней выставке кружевных изделий изяществом и виртуозностью рисунка, совершенным мастерством отличались кружева кустарки-художницы Е. И. Кабачковой. Несмотря на свой почти преклонный возраст Еликонида Ивановна считается лучшей мастерицей. Произведения ее вызывали похвалу на международных выставках в Брюсселе и Париже...»

Прочитав об этом, я вспомнил свое далекое детство, Кадниковский уезд и Устьянскую волость. В нашей волости с давних пор крепостного права подвизались тысячи кустарок-кружевниц. С малых лет и до потери зрения в глубокой старости трудились они в свободное от полевых работ время. В долгие зимние вечера с пальцами собирались девчата в одну избу, бабы отдельно — в другую. И не скучно им было от всяких разговоров, от песен старинных — протяжных и частушек-коротушек.

— Веселье делу не помеха, — говорили они, — язык без костей, пусть он резвится, как хочет, а руки делают свое дело...

Творческая работа требовала умения и одаренности. И такая работа кружевниц-

художниц была и есть увлекательна и утомительна.

Утомление заглушалось песнями. Так было встарь, да и нынче песне почетное место в артельных мастерских. Сколько частушек приходилось мне слышать, сколько сохранилось в памяти!..

Спустя добрых полвека я вспоминаю девичьи «посиделки». Широкие лавки заняты кружевницами вплотную. Перед каждой на пальцах туго набитые мякиной белоснежные подушки. С подушек свисают на тонких ниточках коклюшки. А как ловко, потрескивая, припрыгивают коклюшки в умелых руках девичьих! И, кажется, сам черт не поймет, почему получается из их рук столь причудливое прекрасное хитросплетение. У одной длинная прошва, у другой кружевная накладка, у третьей шелковая шаль — получают предметы зависти городских модниц, предметы украшения быта заботливых молодых и старых хозяек.

Творческий труд вологодских кружевниц издавна в почете.

И вот, как сейчас помню, жила у нас в деревне девушка. Звали ее Велинка. Была она родом не из нашей Попихи, а

из соседней деревни, из бедной семьи. Да к тому же несчастье случилось — где тонко, там и рвется — сгорела у Велинкиных родителей изба от «божьей милости», а вернее оттого, что у них в деревне не было громоотвода. Погорельцы пошли по миру за подающими, а Велинка — в батрачки к Михайлу, который опекал меня, сироту.

Велинка по хозяйству — на все руки: и скот обрядить, и на гумне молотить, и косить, и жать, и за дровами в лес, везде и ни в чем любому мужику не уступала. В свободные часы хозяин ее заставлял, да и она своим долгом почитала, плести кружева на продажу. И за все свои многотрудные дела и художества на готовых хозяйских скудных харчах Михайло платил ей в год шестнадцать рублей и в придачу полусапожки...

Я учился в церковно-приходской школе, а Велинке было восемнадцать лет.

В моем понимании она была красивой, приветливой и доброй. Взрослым ребятам нравились ее голубые озорные глаза, с масляными искринками. А такой густой и тяжелой русой косы, как у Велинки, ни у кого из наших девчат не было. Две Михайловы дочери от зависти злом пытели, глядя на Велиннину косу.

Михайло ехидно насмехался иногда:

— Зачем такая косища? Ну, кобылье хвост — понятно, богом предусмотрено, от всякого шмеля отмахиваться. А ты что думаешь жениха приманить такой красотой? Иному, резкому на руку, такая коса на две драки, с корнем выхватит.

— Кто кому еще выхватит, — спокойно, принимая как шутку, возражала Велинка.

Обладала Велинка приятным голосом. Частушек девичьих и ребячьих она знала «полный мешок до самых завязок» и пела их по-разному: девичьи печальные на один лад, веселые задорные на другой, а ребячьи коротушки пела задиристым басом. Конечно, как и другие девчата, она предпочитала сама складывать и под настроение пропевать песенки любовные:

У меня бедовая —
Четыре кофты новыя.
Пятая с узорами —
Гуляю с белозерами.

Мне сказал король бубновой,
Будто дамочке червей:
— «Не отдам тебя, Велинка,
За три тысячи рублей».

Ой, когда-то было время,
Целовал меня он в темя.
А тепереча в уста,
Что ж, целуй, пожалуйста!..

Запомнилась мне эта Велинка на всю жизнь.

Велинка? А как ее настоящее имя? Да, помню, она называла себя Великонидой. Но есть ли вообще такое женское имя? Усомнился я и недавно заглянул в старый Сытинский календарь. В алфавите женских имен нашел Еликонииду, а «Великониды» не оказалось...

Так, не о Велинке ли газетная заметка? Тут уже сомнения у меня исчезли. И решил я написать в Вологодчину письмо на имя Еликониды Ивановны Кабачковой, с напоминанием о себе, о днях полувековой давности. И добавил, что если это она та самая Велинка и если она даже грамоте не обучилась, то пусть попросит кого-либо ответить мне письмом, а если ей когда-нибудь доведется побывать в Ленинграде, то добро пожаловать ко мне в гости...

Ответное письмо получил я через неделю:

«Костенькин Иванович, как я рада, что вы вспомнили обо мне. Вот ведь, газета помогла найти меня, и как ты догадался, а я-то слыхала о вас и книжки твои читывала и не смела написать занятому человеку. Ну, раз такое дело, то получай и мой полный ответ на Ваше письмо...» — так начиналось сбивчиво, на ты и вы, письмо Еликониды Кабачковой. Дальше она сообщила мне, что жива-здорова, но мужа «потеряла» в войну, а дочку вырастила, выучила, и стала ее дочь кандидатом геологических наук и вышла замуж в Сибирь за инженера... А она, Еликонида, живет славно, зрение не притупилось, плетет кружева в артели, да еще обучает этому делу девчат. И похвальные грамоты имеет, о пенсии пока не беспокоится.

Впрочем, о пенсии буквально сказано в письме следующее: «Совестно мне хло-

потать, коль руки не трясутся и коклюшки в пальцах не путаются, а знают свое место.

Хоть мне трехгодовалого быка за хвост и не удержать, как говорил однажды Никита Сергеевич о тех пенсионерах, у которых силы еще много, а совести недохватка, но у меня еще умение не иссякло и совесть не потеряна и на здоровье обиды нет. Нынче десятого июня мне шестьдесят шесть годов минуло. Кормлюсь хоть и не харчисто, а работаю чисто.

Теперь насчет поездки в Ленинград. Будет потеплее — соберусь, и вот уж тогда обо всем наговоримся, друг на друга наглядимся...

Да, не беспокойся, грамоте я давно обучилась и две газеты и «Крестьянку» с приложением выкроек выписываю, и в райбиблиотеке на активном счету значусь.

Да я и в Ленинград к вам приеду, так все музеи и достопримечательности обегая и тебе и семье вашей много-то не помешаю. Заранее прошу — пришли путеводитель по Ленинграду...»

* * *

Я, конечно, путеводитель выслал и повторил приглашение в гости.

Ожидая Велинку в Ленинград, я стал вспоминать свое сиротливое детство, строгого с диковатой придурью опекуна Михайлу, его многочисленную работающую семью и работницу Велинку... Из семьи Михайлы остались в живых только две престарелых дочери и сколько-то внучат и еще больше правнуков. Как-то перебирая в памяти всякие мелочи давних дней, я вспомнил один на всю жизнь возмущивший меня случай. Было это в девяност четыренадцатом году, незадолго до начала сенокоса. Мы с Велинкой, держась за деревянные рукоятки, крутили тяжелое точило, а хозяин Михайло — сивая борода व्यюном, — восседал над точилом, как Саваоф на божественном троне. Волосы у него седые, подвязаны узким ремешком, кумачовая рубаха нараспашку, и древний литой медный крест на гайтане, покачиваясь, свисал над его вы-

пученным брюхом. Синие портки у Михайлы засучены до колен, на волосатых ногах следы от каких-то чирьевых болячек. Был он хмур, неразговорчив. Сосредоточенно и сильно нажимал жироватыми ручищами на косу, отчего нам с Велинкой приходилось нелегко крутить и без того тяжелое точильное колесо. Десяток кос-горбуш с кривыми рукоятками готовил Михайло к сенокосу. Оттачивал остро, чтобы косили, как брили, под самый корешок. Последнюю, новую косу, точил для Велинки.

— Ну и коса будет! — восхищался Михайло, — не коса, а змей! Сталь с просинью. Самая лучшая коса кондратовских мастеров... И пойдешь ты у меня, Велинка, с такой косой впереди всех по прокосу, и мы за тобой, как журавли косяком, да и не угонимся. Ах, какая коса!.. А ну, еще покрутите, надо с обеих сторон носочек выравнять... А теперь сходи-ка, Велинка, в загороду и попробуй на свежей траве, какова коса...

Велинка взяла косу и побежала в загороду на цветистый, усеянный ромашками, луг. Михайло достал из-за гашника кисет с махоркой, устроил передышку. И не успел он докурить сигарку, как опечаленная, с заплаканными глазами, медленно и робко переступая, брела Велинка обратно. В руках она держала два обломка косы. Упругая сталь наскочила в траве на камешек, не выдержала, переломилась.

Велинка шла и на ходу, приставляя обломок к переломленному месту, голосила слезно и напевно:

— Была бы я волшебница... сказала бы: «срастись, коса». И дела только... Ужели спаять нельзя?..

Михайло швырнул окурок в корыто и набросился с руганью на Велинку:

— Что, дьявол? Куда глядела! Коса-то неточеная рубля подороже! — и начал разносить Велинку непотребными словами. Глаза у Михайлы вспыхнули таким зловещим, злющим зеленым блеском, что даже у меня, ни в чем не повинного, от испуга заостенел язык и не мог пошевелиться.

Велинка стояла около точила, склонив голову, утирала кулаками слезы.

— Была бы я волшебница... — твердила она, отвернувшись, будто не находя других слов, — заклала бы я эту беду...

— Я покажу тебе! Ишь, ведьма, чего захотела! Косу-то какую нарушила... Ну и я тебе за это «добро» отплачу...

Несчастная Велинка и я, свидетель этого происшествия, никак не ожидали от озверевшего Михайла столь дикой и глупой выходки. Он изловчился и ухватил сзади Велинку за ее роскошную, золотистую и ладно сплетенную косу, обвил вокруг заскорузлого кулака и обломком косы провел почти у самого затылка вскрикнувшей и рванувшейся Велинки.

— Вот тебе, коса за косу! — у Михайлы в руке оказалась Велинкина красота. Он взмахнул отрезанной косой, развеял ее и бросил под ноги. Велинка захлебнулась в слезах. Я, как мог, утешал: «Пожалуйста десятскому либо уряднику. Найдут управу на Михайлу...»

Едва ли Велинка слышала мои слова. Да и услышав, едва ли стала бы кому жаловаться на самодура-хозяина. На крик прибежала кривая Клавдя — сестра Михайлы. И та завопила, не притворяясь:

— Что ты, окаянный, наделал? Мог бы за сломанную косу и высчитать, а не нарушать волосье у девки...

— Уходи, кривая! Завтра сенокос. Вот и погорячился малость. Ей же на пользу. Без волосьев-то не захочет по воскресеньям разгуливать...

Помню, после этого случая не зажила Велинка у Михайлы. Ушла от него и ходила в окрестных деревнях в поденщину косить и жать, молотить и на всякие другие работы. И не до гулянок ей — пока коса не выросла.

* * *

...Был у Велинки ухажер-«кавалер» Панко Бобылев. Сапожник, не тихоня. Началась в ту пору война с немцами. «Рекрутился» парень, гулял шумно и невоздержанно. Водки не было, а от самогонки и политуры не просыхал. До отправки с новобранцами повстречался Панко с Велинкой. Отошли от гуляющих подальше в сторонку. Сели на бугорок, поросший кустарником, осмотрелись кругом и,

как умели, стали целоваться. И слово за слово:

— Что тебя давно не видно? Где ты, Велинка, пропадом пропадала? Смотри, не закури другого, а то бывает страшен гнев в ревности...

Велинка рассказала всю горестную историю, с ней происшедшую, и так расстроилась, что, пустив слезу, склонив голову на плечо своего друга, проговорила:

— Была бы я волшебница, обернулась бы я в жердь вересовую, выхлестала бы все рамы у Михайлы и самому еще по хребту прошлась бы... Вот как он мне, гад, нагадил... Будто на сердце соли насыпал...

— Для этого, Велинка, и волшебницей не надо быть, — успокоил ее Панко, крепко обнимая.

В ту августовскую ночь гуляли новобранцы по деревенским улицам. Проходили они с шумом гармонным и песенным Попихой, выстроенной в два конца — в один посад. Пахучий дым от горевших лесов и торфяных болот перемешался с туманом и скрывал всякую видимость. Казалось бы, это на руку Панку Бобылеву. Но он не тайлся в ночи, а на виду у всей ребячьей ватаги вытаскивал из изгороди жердь и вымахал у Михайлы в избе все шесть окон до последнего стеклышка, а некоторые рамы вышиб с крестышами. В последнее окно Панко с размаху бросил жердь, угодив в стеклянный шкаф.

Послышались вопли и звон битой посуды.

Михайло в страхе отсиделся в переднем углу под образами, не сказал ни слова и не вышел на улицу. Что возьмешь с рассерженного новобранца?.. А с улицы доносились песни. Я слышал разудалые ребячьи голоса:

Давай, товарищ, окна бить
Все равно в солдатах быть.
На Карпаты попадем
Мы и там не пропадем!..

Увезут меня в солдаты,
Этакого вольницу.
Я запру свою Велинку
На три года в горницу!..

Не слышала Велинка «агрессивных» песен-коротушек. Знала, конечно, она, в чьих руках была жердь... Для этого не надо быть волшебницей...

Провожала Велинка Панка Бобылева на Устькубинскую пристань. Не столь разговоры вела, сколько плакала. Панко у церковной ограды сидел на берестяной коробушке, курил папиросу за папиросой и посматривал в даль Кубенского озера, откуда медленно двигался густо дымивший пароход «Коммерсант». Новобранцы напоследок веселились, пели, плясали. Панко, грустный, нехотя покидал свою Велинку.

— Не реви, дуреха. Вернись, поженимся. Имей терпение...

— Я за тебя кажинный день молиться стану.

— Была нужда! Бога нет. Знай раз и навсегда.

Подошел урядник, рыскавший среди новобранцев; сабля сбоку, портфель в руке.

— Ага, Бобылев. Вас нужно допросить в смысле бития стекол и нанесения ущерба.

Панко не дал договорить полицейскому чину, перебивая его, спросил:

— А ты жить хочешь? Смотри, сколько людей поехало вшей кормить и кровь проливать?.. Нашему брату терять нечего...

Урядник махнул рукой, сказал:

— С подлеца взятки гладки...

— От мерзавца слышу, — сурово ответил Панко.

* * *

Вспоминались мне и другие случаи из деревенской жизни, из своих юношеских лет. Одного не мог вспомнить, где и когда исчезла из моего поля зрения Велинка Кабачкова. Знаю, что Бобылев вернулся после революции и женился на другой.

Немудрено было нам с Велинкой расстаться и затеряться в эти буйные, бурные годы. И вот, газетная заметка напомнила о ней.

В конце прошлого года Еликонида Ивановна приехала в Ленинград, ко мне, на Дворцовую набережную, в гости.

Ничего похожего с прежней Велинкой! Даже голос и тот изменился. У меня хорошая слуховая память: многих своих старых знакомых узнаю не с лица, а по голосу. Еликонида преобразилась неузнаваемо.

Разумеется, она состарилась, и голос, когда-то нежный, певучий, стал грубоватым, скрипучим; речь отрывистая, но довольно культурная. Чувствовалось, что жизнь не прошла мимо Еликониды, оставила глубокий след, запечатлелась в ее сознании и горестями, и радостями.

Сначала у нас разговор как-то не особенно вязался. Вроде бы мы прислушивались и приглядывались, искали общую нить для беседы. Нашлась эта нить в наших воспоминаниях. Я напомнил, как бы шутя, эпизод, что рассказал выше. Засмеялась Еликонида Ивановна.

— Ты и это помнишь? — И, видно, растроганная память вызвала у нее сквозь смех слезы. — Да, Костя, всякое бывало. И так говаривала: «Была бы волшебница...» А знаешь, что скажу: меня и ныне иногда нет-нет да волшебницей и обзовут. Сплету мудреное, по-новому, невиданному рисунку кружево, сдам в мастерскую. Девки, бабы дивуются, да так и говорят: «Опять Кабачкова чего-то наколдовала, что нам и не снилось...» Вот и твоей супруге-женушке я подарочек выплела, извини за скромность: тут только четыре метра за четвертью. Можно и на ворот к платью, и на рукава, и на кофточку, куда угодно...

Еликонида подала развернутое кружево. Оно было снега белей и хрустело в руках. Посредине кружева чередовались ромбовидные фигуры, украшенные розетками. По краям острые зубцы треугольниками.

— Да это же воронихинская решетка! — восторгаясь, заметил я сразу.

— Конечно, она самая. Ты скоро разгадал, — ответила Еликонида. — Я ведь читала твою «Повесть о Воронихине». И тебе в угоду сплела такое кружево. Рисунок с фотографии из книги перенесла на сколок. Дело нетрудное. Два дня всего и потратила.

Я поблагодарил ее, а жена, порадованная подарком, поцеловала гостью.

После незатейливого угощения стала Еликонида разглядывать мою библиотеку, попросила фотоальбомы, чтобы по ним проследить мой извилистый путь. Потом она восхищалась видом из окон квартиры на Неву, на Петропавловку, на Биржу. По Неве сновали теплоходы. За буксирами тянулись плоты, баржи. На песчаном пляже у стен крепости — тысячи загорающих.

— Сколько голышей нежится под солнцем? Ужели им делать нечего? — с удивлением и долей возмущения спрашивала Кабачкова.

Потом она долго и внимательно смотрела на соборную колокольню, словно глазами измеряла ее высоту.

— Действует? — спросила она.

— Действует, но не как церковь, а как музей.

— Тем лучше. Надо побывать. Какой ты счастливый, Костенькин. В таком веселом месте жить да жить, работать да работать, и умирать никогда не захочется. Можно позавидовать. Исполнилась твоя детская мечта...

— Какая мечта? Я никогда и не думал, что буду жить в Ленинграде, да еще писать книги. Случилось как-то само собой. Конечно, были стремления. Но мало ли какие стремления бывают.

— А я вот помню, как мы с тобой однажды сидели у твоих родителей на могиле. Кормили хлебными крошками гапок. Тебе едва ли было десять лет... Солнышко так же вот грело. В церкви кого-то отпевали, кажется, покойного подрядчика Сашку Кулёва. А наш сосед Алеха Турка, пьяненький, рыл для Сашки могилу неподалеку, выбрасывал чьи-то кости и сгнившие гробовые доски... Вот я и спросила тогда тебя, сироту, а жалко мне тебя было одинокого: «Как бы ты, Костюха, жить хотел, когда большой вырастешь?..» А ты прищурился, поглядел из-под козырька на церковь, на речку, на висевшие сети, что сохли на козлах у амбаров, на крашенный дом купца Коковкина, поглядел и сказал:

— А когда вырасту, мне бы вот такой дом, чтоб и церковь под окном, и река, и невод-бредень длиной в сто сажений. И стал бы я рыбу ловить и продавать...

— А деньги куда? — спросила я, а ты мне на это сказал: — «Э-э! Знаю куда. Перво-наперво, велосипед с колокольчиком и блеском, как у паникадила! Еще с блеском коньки и с винтовым зажимом на каблуке и подошве. Книг полный шкаф, и чтоб конфеты и орехи в карманах не выводились».

— Не помню, не помню, — смеясь, отмахнулся я.

— Небось, про мою косу вспомнил.

— Это другое дело. Такое не забывается.

— А еще помню, — продолжала Еликонида, — Турка вырыл тогда могилу, пошел к нам, подсел, глотнул водочки прямо из горлышка бутылки и подарил тебе две старинных монеты, достал он их из глазниц чьего-то черепа, песочком почистил. Ты взял монетки и разобрал слова: «Три копейки серебром». Турка ругнулся и сказал: «Какое, к черту, серебро, медяки! И живых, и мертвых обманывают, сволочи. Не верь, Костюха, никому. Хоть сам царь деньги делает, а обманывает...»

— Вот это помню. Турка любил меня. Верно, он говорил тогда: «Зачем мерт-

вых-то обманывать? Царства небесного не было и нет. Земля, говорят, пухом. Какой, к черту, «пух». Песок да глина толщиной в два аршина. Когда умрем, тогда пойдем, какой это «пух»...

— Ну, вот, видишь, ты и это вспомнил, удивительное дело получается, — продолжала гостья. — Что было, скажем, полвека назад, я все хорошо помню, а вчерашнее из памяти выскакивает.

— Стареем, голубушка, стареем.

— Нет, можно сказать, постарели телом, да молоды делом. Иногда и сердце сдает, а рассудок молод...

* * *

Загостились у меня Еликонида Ивановна. Успела за неделю рассказать про свою жизнь все по порядку. Много узнала я от нее в эти поздние вечера, когда она, усталая, приходила после дневного брожения по городу.

Однажды Еликонида Ивановна принесла две плитки шоколада и стала меня угощать. Я ей говорю:

— Богата Велинка, на шоколад денег не жалеет...

А она смеется и руками разводит от удивления:

— Я отроду бы не купила. Да случилось так, походя заработала...

— Как это?

— Очень просто, у вас в Ленинграде все возможно. Иду по улице Халтурина, а навстречу мне небольшая демонстрация, с флагами и медными трубами, а впереди на грузовике на треноге аппарат фотографирует. С грузовика мне и кричит один: «Гражданка, будьте добры, возьмите вон то знамя, крайнее справа, и поднесите кварталчик...» Чем я ему полюбилась — не знаю. Пронесла я это знамя, похожее на хоругвь, — висит на поперечной палке и две кисти внизу и слова на бархате: «Мир хижинам, война дворцам!» Прошли квартал с музыкой. Он и кричит с грузовика: «Отлично! Стой!..» Все остановились. Меня подманил пальцем, две шоколадки подали спасибо сказал. Оказывается, это ради кино. Не ждала, не гадала, в киноартистки попала!..

* * *

Иногда я находил время сводить Еликонида Ивановну в музей Ленинграда и на такси прокатил по главным улицам. Любо ей было видеть Ленинград впервые, а что не нравилось, осуждала:

— Сплошь камень да асфальт, асфальт да камень. Все давит на землю, и как она, бедная, дышит под такой тяжестью?..

Были мы с Еликонидой в казематах Петропавловской крепости, где томились борцы за революцию.

— Читала я в одной книжке об этих застенках. А теперь своими глазами вижу, своими руками щупаю холодные стены.

В соборе Еликонида Ивановна больше всего заинтересовалась резным иконостасом.

— Было бы время, да позволили, с этих завитушек можно бы уйму рисунков снять, а потом бы и сколков наколоть, да таких бы кружев наплести. И опять бы наши девахи пускай думали, как я «на-

колдовала». А ведь это все мужицкая хитрость. Мы из ниток плетем, а они — ножничком, стамесочкой из дерева. Красота-то какая!.. Мудрили славно наши старички, золоторукие. — И вдруг Еликонида Ивановна увидела на одной из гробниц букеты цветов и, усмехнувшись, меня локтем слегка толкнула.

— Ужели кто из царских родственников уцелел и цветы сюда приносит? Глянько, сколько их!..

Но прочла надпись надгробную: «Петр Первый», догадалась:

— Этому царю цветы полагаются... Не знаешь, сколько лет он умер?

— Кажется, в пятьдесят четыре...

— Мало пожил, да много сделал... Петр Первый пять раз и у нас в Вологде бывал...

Осматривали мы с Еликонидой Казанский собор. Там ныне антирелигиозный музей. Больше всего поразило мою гостью изображение Льва Толстого в аду в «Геенне огненной»:

— Вот, глупее и дикастее этого не могли придумать. Нет, отцы духовные, блудники греховные. Душу такого писателя никаким огнем не спалить. Дела его вековечны! А они его в ад, в огонь, в лапы сатане... Смешно? Нет. А глупей не придумать.

В этнографическом музее Еликонида Ивановна побывала дважды. Там большая экспозиция кружевных изделий. Много на этой выставке для пользы дела Еликонида Ивановна приметила и карандашом в тетрадь зарисовала.

— В нашем деле глаз да глаз нужен, хорошая память и рачительность, — пояснила она, показывая мне рисунок.

На вокзал моя гостя собралась за два часа до отхода поезда.

— Голубушка, зачем так рано?

— А уж так спокойнее. Лучше на два часика пораньше, чем на одну минуту опоздать, — рассудила она здраво, повологодски.

— До свидания, милая Велинка! Всех благ тебе, дорогая землячка, Еликонида Ивановна!..